

Несмотря на осенние дни, погода в округе провинции Каи, стояла жаркая. Продолжительность дня сокращалась, и тени, рожденные от светила, удлинялись. Но, тем не менее, спасительная прохлада не наступала, а в больших городах так и вовсе, знойная погода ощущалась острее.

Если бы не ветра, приносящие с горных вершин живительный, холодный воздух, осенние дни ни чем не отличались бы от жарких, летних дней. Листья на деревьях уже начали желтеть, и каждый понимал, что это вопрос времени, когда всё изменится. Жаркий день легко мог смениться холодными, дождливыми днями. А за тем, глядишь, и зима на подходе. Такие мысли хоть и могли волновать многих жителей провинции Каи, но, пожалуй, крестьяне на этот раз, увлеченные сбором посева так далеко не заглядывали.

Собирая урожай, крестьяне не могли не порадоваться удаче, не каждый год они могли собрать достаточно урожая, чтобы оплатить обременяющие налоги. А дни, когда все долги были погашены и скорая зима не пугала крестьян, таких дней люди помнили мало.

Провинция Каи жила своей жизнью, и пожалуй, за много лет, она не видела таких благополучных дней. В каждой деревне, под вечер люди устраивали празднества. Сновавшие по своим делам гости провинции удивлялись, слыша, как запевали крестьяне, собирая урожай.

Благополучие провинции мерилось не зажиточностью вельмож и выше стоящих лиц, но, как не странно, достатком простых людей. Эту истину знал не каждый даймё, отчего провинции в стране были в упадке. И не тяжелые войны были причиной...

Если эти мысли были доступны лишь единицам, то каждый мог воочию убедиться, что могущество клана Такеды росло. Клан Такеды выходил победителем в каждой битве, приобретая могущество, и лишая его не только врагов, но и своих союзников...

Вести о клане Такеда распространились благодаря молве, которую так любили передавать из уст в уста простые смертные. Хоть услышанное изменялось не раз, прежде чем выйти за границы провинции, семена правды в них всё же сохранялась. Несмотря на то, что солнце находилось в зените и тяжесть дороги из-за жары, ощущалась острее, главная дорога, ведущая в Каи, была переполнена людьми.

Громоздкие телеги, снабженные не маленькими бочками, цепочкой тянулись так, чтобы не загораживать всю дорогу. Путником приходилось их огибать и уступать дорогу.

Людей на дороге было настолько много, что поднятая пыль ощущалась в воздухе. А выкрики и говор людей, стало единым. Трудно было не затеряться в этой суете. Но даже так, крестьяне и путники умудрялись освобождать дорогу паланкину, что несли слуги.

Покрытый темным лаком, паланкин тут же приковал к себе все взгляды. На черном цвете, отчетливо виднелись красноватые знаки, дома Такеда.

Провожая взглядом, путники тихо перешептывались, гадая, кого везли слуги в этот жаркий день. Стоило темно зеленым шторам хоть чуть приоткрыться, как люди терялись, уведя взгляды прочь. Несмотря на любопытство, никто не желал встретиться взглядом с тем, кого несли на паланкине.

Прежде самого паланкина до места, где образовался небольшой затор, из-за потока тележек, добрались вести о нем. Купцы тут же стусевались, подгоняя своих людей криками, чтобы те быстро освободили дорогу.

Заинтересованные путники следили за ходом события, словно зрители. В мгновение ока, суета само собой прекратилось, как на дороге появился паланкин. Следом за ним, неустанно следовал небольшой отряд воинов. Хмурый их вид, не предвещал ничего хорошего тем, кто осмелился бы загородить дорогу процессии.

Открыв шторы так, чтобы видят сменяющееся лица, и в свою очередь быть незамеченным посторонним взглядом, девушка в паланкине шумно выдохнула. К её удивлению, внутри паланкина не было так жарко, хотя сама она ожидала противоположного.

Толчки от передвижения ощущались мягко, так что весь пройденный путь она перенесла неплохо.

В мелькавших лицах читалось всё: страх, любопытство и даже зависть. Некоторые люди так и вовсе, умудрялись пасть ниц, пока паланкин не отдалился от них. Если в начале пути, всё это веселило девушку, то теперь было иначе.

Капля за каплей, злость наполняла её нутро, одурманивая её разум. Взяв нежно в руки безликую маску, девушка начала осознавать, что даже маска не могла успокоить её душу. Несмотря на последние успехи её хозяина, стратега дома Такеды, ей казалось, что впереди маячили не простые дни. Дни, которые не сулят ничего хорошего её хозяину, а значит, и ей...

- Рен, нет ли вестей из резиденции?

Услышала девушка голос своего хозяина. Ей ненужно было отвечать, ведь парень прекрасно знал и так, Такеда Харуна вызывала к себе всех своих вассалов, но только не его. И это не могло не омрачать настроение Канске.

- Хозяин, к вам посетитель... Баба Нобуфуса...

В последние дни, все отстранились от её господина. Немногие были готовы скрасить дни, когда сама Харуна, казалась, отстранилась от парня.

Услышав слова Рен, Канске тут же преобразился, став на минуту прежним. Будто вмиг позабыл о тревожных думах.

- Нобуфуса! А я-то думал, что и ты, предпочел остаться в стороне, не навещая меня...

- Что ты, друг Канске. Как я могу?!

Разговор с Нобуфусой положительно повлиял на стратега. К нему пришла бывалая уверенность. Но по одной лишь фразе парня, стало ясно, что не все тревоги покинули его:

- Нобуфуса, ты не знаешь, почему она всё еще не завет меня?

Канске спрашивал отстраненно, не заглядывая в лицо собеседника. Будто заглянув, он мог разглядеть правду на свой вопрос. Бесспорно, ответ страшил его. Сидящая в стороне и наблюдавшая за двумя самураями, словно тень, Рен прекрасно понимала, что к чему.

- Поверь, Канске. Нашей госпоже не зачем держать злобу на тебя. Мне думается, что она оставляет тебя напоследок, чтобы после вознаградить за труды клану...

Самурай произнес это с чувством, так что Канске поверил. Но сидя позади стратега, Рен могла без труда разглядеть лицо Нобуфусы. Одного лишь взгляда на бесхитростного воина хватило,

чтобы понять, что тут далеко всё не так однозначно. И, пожалуй, сам Канске легко смог бы уловить это, если бы хотел...

Последовавшие слова Нобуфусы, лишь убедили Рен в праведности заключения. Казалось, самурай пытался поменять скользкую тему.

- Твое имя у всех на устах. То, что тебе удалось, достигло даже провинции Кодзуке. Ты бы видел, как изменились в лице вассалы Ходзе, узнав, что клан Такеда и в Хида одерживает верх.

Пытливый ум Канске тут же уловил нить, брошенную Нобуфусой. Рен казалось, что парню было подвластно многое, и в частности то, что касалось, ведение войны, но только не дела сердечные.

Паланкин резко дернулся, и в миг, внимание девушки переключилась к действительности.

- Простите госпожа, нам пришлось повернуть... Вскоре мы прибудем, - услышала Рен слова слуг.

Девушка удивилась тому, как быстро она привыкла к роле госпожи. Пожалуй, никто не поверить, если она скажет им правду. Правду, что и сама она была выходцем из низов, возможно даже и хуже.

Ведь воры и люди, занимающиеся не честным трудом, стояли ниже даже самих крестьян. Но красивая юката, и порозовевшая кожа могли убедить любого, что Рен никогда не знала другой жизни.

Прежде чем вернуться к воспоминаниям, девушка мягко ухватила за мысль, что между богатыми и бедными не было столь существенной разницы. Каждый из них страдал от своих оков, наивные были те, кто не понимал этого.

- Не стоит пренебрегать своими заслугами. Ведь всем известно, что ты и Масакаге смогли охватить немалый кусок от провинции Кодзуке. Если я не ошибаюсь, Кодзуке разделены на три составляющее, север принадлежит Уэсуги, запад нам, а восточная часть Ходзе. Наверное, не этого ждали Ходзе...

Канске обрисовал всю суть одним словом, и Бабе Нобуфусе пришлось лишь кивать головой, в знак согласия.

- Знаешь, Канске. Отношения с домом Ходзе и Имагавой хрупки, несмотря на созданный триумвират. Наш клан быстрее остальных становится сильнее, и это не может не тревожить их...

- Что ты хочешь этим сказать?

- Ты бы знал, о чем я, если бы не заперся у себя в усадьбе, - ответил Нобуфуса, холодно.

Резкое изменение тона, была справедливо. Ведь за всеми этими событиями, Канске перестал обращать внимание на другие дела.

Совладав с собой, Нобуфуса продолжил:

- Со мной в Каи прибыли много тяжело раненных воинов. Нам не хватает лекарств, чтобы

помочь им...

Хоть самурай обронил это коротко, но за ними лежало многое, недосказанное. Девушке было известно, что ранение из-за жары в походе гноилась. Уже было много тех, кто был обречен на смерть, из-за нехватки лекарств. Лишаться конечности для воинов, было не лучшей участью, чем смерть...

- Ходзе обозлились на нас и уговорили Имагаву перестать доставлять к нам соль...

Ценность соли было не только в приготовлениях пищи, но и в приготовлениях простых лекарств. Не говоря уже о том, что это повлияло на цены и других товаров.

Прежде Рен никогда не задумывалась о таких вещах. Но служба клану Такеда, и в частности Канске, открыла для неё многое. Она прекрасно видела, изменения, которое затрагивала судеб многих людей...

- Мы окружены соседями, которые недобро посматривают в нашу сторону. Тут ничего не попишешь, - ответил Канске.

Нобуфуса вскоре ушел, и буквально через два дня с того разговора в Каи прибыли огромные телеги. Телеги несли дар, который преодолел огромное расстояние. От самого Этиго, и затем уже Синано и Кодзуке, в Каи пребывали несметное количество телег, загруженные бесценным даром, солью.

Когда привратник остановил поток телег у самих ворот к городу, на улице уже собралось много зевак, предвкушая зрелище.

- Кто вы и куда несете весь этот груз?!

Несмотря на грозный выкрик, казавшиеся торговцами люди, не ступали. Среди них вышел один вперед, и ответил за всех:

- Мы, вассалы лорда Уэсуги. Везем соль для клана Такеды. У нас есть, что сказать вашему лорду. Слова от самого Кенсина...

Эта новость обсуждалась не раз. Люди в Сианано, в Этиго и других провинциях были поражены благородством Кенсина.

Когда сама Харуна вышла встретить дары, вассал Уэсуги заговорил:

- Моя госпожа передает вам, госпожа Синген, "Я воюю не солью, а мечом"...

Рен в тот день находилась поблизости и стала очевидцем. Даже её, далекую от самурайских жизни девушку, затронули слова Кенсина. Пока все обговаривали услышанное, гость продолжил:

- Так же, моя госпожа передает вашему стратегу слова восхищения. Она с нетерпением ждет встречи на поле боя, с столь выдающимся воином земли Ямато...

Услышав это, брови Харуны нахмурились. Рен отчетлива поняла, что услышанное не понравилась Харуне. Ведь впредь, все только и говорили, что Кенсин видит угрозу больше в Канске, нежели в самой Харуне...

Безликой Рен не понравилось, что возле Харуны крутилась не безызвестная Айкава. Харуна

хоть и не ловила всё сказанное Айкавой, но всё же к ней прислушивалась.

- Госпожа, мы прибыли, - донесся голос слуги.

- Хорошо, - ответила Рен.

Прежде чем выйти наружу, девушка успела подумать, что Кенсина не могла не тревожить успехи Канске в Хида. Хотя, зная любовь Кенсина к битвам, трудно было сказать что-то определенное. Ведь, не зря её называли воплощением самого Бишамонтэна, бога войны буддизма.

Вступив на твердую землю и вдохнув полной грудью прохладного воздуха, девушка, предавшись настроению, услышала ответ Канске.

- Уэсуги Кенсин не так проста. Каждый её ход направлен как минимум преследует два цели. Если в открытую, она показала свое благородство и поразила даже сами Небеса, то в темную, она поставила меня в неловкую ситуацию...

Услышав это, Рен согласилась. Ситуация, когда между Харуной и парнем возникло чувство отдаленности, была не подходящей. Встряхнув голову и прогоняя воспоминания, девушка не сразу заметила то, что предстояло перед её взором.

Некогда, только строящийся храм уже возвышался ввысь. Крыши храма в главном здании уже были покрашены лаком, что в свою очередь свидетельствовало о том, люди активно посещали этот, буддистский храм.

Завидев влиятельных гостей, посетители храма предпочли удалиться. Братья монахи забегали, с нескрываемой тревогой в лицах. Ведь, все знали, что Канске Ямамото был заступником старой веры, и что его бог, Хатиман, недолюбливал соперников...

Велев воинам оставаться на месте, Рен неспешно шагнула вперед. Еще был свеж в памяти тот день, когда Рен решившись на путешествие, направлялась в Каи. Хоть тогда на улице стояла зима, предгорье не сильно изменилось.

Лишь возросший храм и поток людей, напоминал о том, что время скоротечно.

Ловя взгляды удивления и страха, Рен признавала, что не могла привыкнуть к этому. Ведь, в свой первый день на территории Каи, она то и дело слышала оскорбления и угрозы. Для всех она была никем.

Хоть люди её и не знали, но теперь, в этот осенний день для них она была выходцем из благородной семьи. Эмблема клана Такеда будто указывал, что простые смертные лишь по одному её слову, могут быть умерщвлены.

- Госпожа, мы рады вас видеть, - нервно улыбаясь, проговорил юный монах. От него так и веяло страхом, что на долю секунды, Рен испытала чувство неприязни к нему. Да, она сильно изменилась. Вопреки всему, самурайский дух крепко укоренился в ней. Возможно, она этого не осознавала, но окружающие легко замечали.

- Я хочу видеть монаха, преклонного возраста. Он был среди вашей братии, когда вы только застраивали храм...

Слова девушки удивили юного монаха, и трясясь, он проговорил:

- Прошу простить, но среди нас не было монаха такого возраста, ...

Рен видела, как капля пота текло по лицу юноши. Возможно, по возрасту он не сильно уступал ей, но в этот момент, он был похож на маленького мальчика, но никак на её ровесника.

- Довольно, и перестань так, трястись, - добавила Рен.

- Прошу простить моего несносного брата по вере, - услышала девушка знакомый голос.

Пока юноша кланялся и удалился от греха подальше, Рен не спускала глаз с подошедшего монаха.

- Если не возражаете, то зайдем внутрь?

Кивнув, Рен последовала за ним. Смотря на изваяния буддийских богов, девушка невольно вспомнила привкус супа, что некогда она отведала здесь. Среди людей, лишь этот монах, стоящий впереди и гадавший, что привело её сюда, отнесся к ней по человеческий.

Достав из кармана мешочек, она протянула его монаху. Тот взял её, и открыв, удивился. Ведь в мешочке лежали золотые монеты. Хоть таким образом, девушка хотела отблагодарить стоявшему перед ней, мужчине с рясой.

- Госпожа, я не могу принять этот дар...

- А ты не сильно изменился...

Тщательно рассматривая его, от неё не укрылось, что и этот монах начал покрываться потом. Её сильно озадачило то, что старый знакомый испытывал страх, при видя её.

- Мне трудно сказать, встречались ли мы прежде, - ответил, наконец, монах.

Рен, в свою очередь запоздала, поняла, что на ней была надета маска. Стоило ей снять её, как монах тут же ахнул в удивлении.

- Не может быть! Но как?

Девушку польстило, что мужчина в рясе не забыл её, хоть прошло немало времени.

- Твой суп был хорош. К тому же, я ведь обещала, что отблагодарю тебя.

После слов девушки, мужчина залился смехом. Но видя, что невольно обидел гостью, он спохватился:

- Не обижайся, прошу. Просто, я не находил себе место узнав, что к нам прибыла сама "Безликая".

Услышав оправдание монаха, Рен заулыбалась. Ведь слухи о Канске затрагивали даже её. После покорения провинции Хида, на Рен смотрели иначе, будто она была причастна к самому кровавому богу. Возможно, подумала Рен, что увидев её в маске с отрядом воинов, братья монахи сильно перепугались.

Прошло больше часа, а разговор между ней и монахом не угасал. Обедая супом, каждый из них

делился тем, что выпало на долю.

- Никогда не думал, что ты добьешься многого.

- Я и сама не ожидала, - улыбаясь, ответила Рен.

- Кстати, какого служить такому господину, как стратег дома Такеда? - проницательно глядя, спросил монах.

- По-разному. Иной раз приходится сильно жалеть, а в другой, понимаю, что я готова последовать за ним, даже на смерть...

На это, монах не ответил, лишь после добавил тихо:

- Я верю, что ты говоришь искренне. Конечно, как последователь другой веры, я не могу признать его богом. Но то, что он не простой смертный, в этом нет сомнения...

Горечь в словах монаха насторожили Рен, и та спросила:

- О чем ты жалеешь?

- Мне жаль, что верующие непримиримы, когда вопрос касается самой веры...

И чтобы не омрачать встречу, монах увел разговор в другое русло:

- Рен, хоть слава Канске в походе на Хида, неоспорима, но знай, что за это лето не только ему удалось завоевать целую провинцию. На западе, клан Ода тоже добился таких результатов. Провинция Мино была покорена, и на западе вместе с именем Ода Нобуна, часто восславляют имя её вассалов, Хидэеси и других.

Рен поняла, что хотел сказать этим монах. Как не может быть двух солнц в небе, так и земля Ямато не потерпит двух великих домов...

- Признаться, до нас доходили слухи, но мы не интересовались событиями, за пределами интересов нашего дома...

Слыша слова Рен, монах открыто улыбнулся.

- Мне отрадно видеть, что ты теперь говоришь "мы" и отождествляешь себя с домом Такеда. Я могу лишь пожелать удачи, на вашем пути...

- Если это правда, прими этот скромный дар. Пусть твои боги заступятся за Канске...

Рен протянула мешочек с деньгами. Монах протянул руки и бережно взял.

Лишь после небольшой паузы, он произнес:

- Просить заступничество богов другой веры, служа самому Хатиману. По истину, впервые на моей памяти Хатиман нашел себе достойного представителя...

Сказано это было в шутя, но без доли смеха.

Сама Рен не придала этому значение, лишь подумала, что многие сильно удивились бы, узнай они Канске так, как ныне знала она...

<http://tl.rulate.ru/book/2255/99772>